

ОЛЕГ ВЯЗАНКИН

**ПОЛИЦИЯ ГОРОДА ЛИССА:
ТЕНЬ ЗА ОКНОМ**

18+

Олег Вязанкин

**Полиция города
Лисса: тень за окном**

«Автор»

2026

Вязанкин О. В.

Полиция города Лисса: тень за окном / О. В. Вязанкин —
«Автор», 2026

Странные дела происходят в месте с необычным названием Великий Тупик: стоит разразиться сильной грозой, как перед окнами пожилой вдовы появляется зловещая тень. Но когда комиссару Моррисону заниматься расследованием этого происшествия, ведь в городе случилось небывалое - покушение на мэра! И вот в четвёртой части цикла "Полиция города Лисса" главному герою приходится распутывать сразу два клубка...

© Вязанкин О. В., 2026

© Автор, 2026

Олег Вязанкин

Полиция города Лисса: тень за окном

Пролог

В тот вечер Олдридж явно был в ударе. Едва успевая прикасаться к блюдам, он изображал в лицах надоедливых посетителей, приходивших к нему в мэрию. Гости, мистер и миссис Моррисон, от души смеялись, а жена мэра, полноватая и добродушная, только качала головой:

– Джордж иногда такие вещи рассказывает! Как он там ещё с ума не сошёл!

– Но самый худший тип – это изобретатели, – продолжал тем временем Олдридж. – Один приходил точно раз в неделю. Появился впервые – невысокий, в каком-то мятом плаще... Снимает шляпу, а из-под неё кудри чуть не шире плеч – прямо как в цирке клоуны делают. Тихо так улыбается и вместо «здравствуйте» говорит: «Ну! Я сделал это!» – «Что сделали?» – спрашиваю. – «Вот!» Показывает схему: пушка, стреляющая бочками с сельдью. Это у него экономия на доставке от порта до рынка.

– А что на рынке – бочка разбивается вдребезги? – поинтересовался Моррисон.

– Нет! Там гигантская сеть! И бочка невредимой скатывается по ней прямо в рыбный ряд. Они ненормальные! Ненормальные! Как можно в трезвом уме нести такую ахинею?! Кончилось тем, что я велел повесить на своей двери табличку: «Изобретателей принимают в кабинете напротив».

– Это кабинет вашего помощника? Он вас после этого не возненавидел? – улыбнулась миссис Моррисон.

– Конечно возненавидел. Такая уж у него работа – меня ненавидеть. А поводов два: во-первых, заставляю работать. А во-вторых, в один прекрасный момент он может этой работы лишиться. Ничего, пусть эти... изобретатели... ему идей накидают. А то у Бичема все идеи – «Давайте не будем этого делать!» Новые фонари поставить – «зачем, это дорого!» Фонтан на площади Тюльпанов отремонтировать – «это дорого, пусть так стоит». Спрашиваю: «Хорошо, не будем ничего делать – нас горожане разве грязными тряпками отсюда не выгонят?» Только плечами пожимает... А у меня выборы на носу! Ладно, я вас совсем заморочил своими проблемами. Ах, да: я рассказывал, как виноторговец Френкин приходил за разрешением поставить на площади перед мэрией собственный позолоченный бюст?..

До дома Моррисоны решили пройтись пешком. Элен то и дело негромко смеялась, вспоминая байки Олдриджа, а потом, крепче прижав руку мужа, вдыхала свежий весенний воздух.

– Говард, а ты-то что такой задумчивый?

Моррисон с сомнением посмотрел на жену.

– Даже не знаю, говорить ли... Профессиональная деформация. Привык, что нет-нет да и случаются какие-нибудь происшествия и неприятности. И подумал...

– Что?

– Подумал: а вдруг мы видели Олдриджа в последний раз?

Элен развернулась и положила ладонь на лоб мужа.

– Странно, жара нет... В отпуск вам надо, господин комиссар, вот что.

– И куда ехать?

– В Лисс, конечно! В столице только и разговоров, что теперь там можно отлично отдохнуть.

Моррисон остановился и щёлкнул пальцами.

– Ну вот, я уже в Лиссе. Куда тут можно сходить – к морю?

– Да. И покататься на лодке. Но мы с тобой этого делать не будем.

И Элен, снова взяв мужа за руку, с невинной улыбкой продолжила путь.

ЧАСТЬ 1

Воскресенье, 18 июня

– Друзья! Г-м... Дорогие друзья! Граждане Лисса! Кхе... Волнуюсь! – Олдридж, криво усмехнувшись, снова пробежал глазами по тексту. – Что там на площади, Бичем?

Помощник мэра, в чьём кабинете находился балкон, с которого Олдриджу предстояло сказать свою речь, отодвинул шторы, отчего оркестр стал ещё слышнее.

– Полная площадь, господин мэр. Моряков много.

– Моряков?

– Насчёт моряков можете не волноваться, – бросил Моррисон.

– Как скажете, комиссар, как скажете... Ну что – и снова в бой? Да, Бичем?

– Да, сэр. Пойду вниз, дам сигнал оркестру. Как заиграет туш – вы сразу на балкон, господин мэр.

– Я тоже пойду, проверю своих людей. – Моррисон чуть помедлил, а когда Бичем вышел из кабинета, крепко пожал руку Олдриджа.

– Ох, помню... – выдохнул мэр. – Ну, пожелайте мне удачи!

– Удачи, Джордж! Всё будет хорошо!

Миновав двух констеблей, стоявших в дверях мэрии, Моррисон оглядел площадь. Человек девятьсот, неплохо для небольшого Лисса. Матросы действительно то и дело попадались на глаза, некоторые радостно кивали, увидев комиссара, и он отвечал им тем же. Загромыхал оркестр, и через минуту на балконе появился Олдридж.

– Друзья! Граждане Лисса! Граждане города, прекрасного, как мечта! Города, где нет дымящих труб, чёрной угольной пыли и грохота железа!..

Продолжение предвыборной речи Моррисон не слушал: пробираясь на другой конец площади, он внимательно осматривал толпу, машинально отмечая констеблей и курсантов полицейской академии. Он почти дошёл до угла Итон-стрит, когда внезапно впереди раздались выстрелы. Олдридж, схватившись за грудь, скрылся за шторой балконной двери, по толпе прокатились крики, громко завизжала какая-то женщина, потом другие, раздался топот многочисленных ног, но Моррисон не оборачивался – выхватив револьвер, он бросился к книжному магазину, в приоткрытом окне которого блеснул металл, и, когда люди разбежались с его дороги, почти не целясь выпустил несколько пуль. На втором этаже магазина зазвенели стёкла, а внизу один из констеблей уже вышибал запертую дверь. Она с дребезгом отворилась, и сразу три полисмена ворвались с оружием наготове внутрь. Моррисон задержался на пороге и только тут обернулся на площадь. Многие мужчины бежали к магазину, кто-то кричал:

– Убийца там! Хватай! Бей его!

– Вот теперь понятно... – процедил Моррисон и остался в дверях, по-прежнему с револьвером в руке. Поэтому ни один из подбежавших не осмелился сделать шаг вперёд – горожане слишком хорошо знали своего комиссара.

– Что ж вы стоите? В магазин! – не унимался кто-то в задних рядах, и в витрину в пяти шагах от Моррисона ударил булыжник, затем второй. Но вдруг наверху загремели выстрелы. А затем наступила тишина.

Комиссар, с неудовольствием посмотрев на разбитую витрину, дождался, когда вниз, стуча ботинками, спустится один из констеблей. Он что-то сказал на ухо Комиссару, и тот досадливо поморщился.

– Проклятье! Надо было брать живьём! – только тут Моррисон убрал револьвер в кобуру под мышкой и посмотрел на толпу. – Господа, а в чём дело? Просьба разойтись.

Мужчины растерянно переглядывались.

– Просьба разойтись! – громко повторил Моррисон. – Господа, не создавайте помех работе полиции.

Последние слова были знакомы каждому, кто имел хоть какое-то представление о законах южных округов. И хотя желающих попасть внутрь магазина было немало, в тюрьму не хотел никто. Толпа сразу поредела, и Моррисон подозвал одного из курсантов:

– Бегом в управление, скажите, чтобы прислали катафалк.

Оставив в дверях дежурного, Моррисон почти бегом отправился к зданию мэрии. Из боковых ворот как раз выезжала карета с красным крестом на дверце, и кучер, оглушительно щёлкая кнутом, во всё горло орал:

– Дорогу! Дорогу!

– Комиссар, мы в дом Ганнувера, может, удастся спасти! – крикнул из окошка доктор Биддер.

Махнув доктору рукой, Моррисон подошёл к ложе, где стояли растерянные и взволнованные отцы города.

– Господа, покушавшийся убит при попытке оказать сопротивление. Он успел легко ранить одного из полисменов.

– Но это же кошмар... – прошептал судовладелец Парсон. – В Лиссе никогда такого не было...

– Что же нам делать? – спросил адвокат Рассел. – Нужно провести срочное заседание!

– Не уверен, – покачал головой Моррисон. – Думаю, лучше идти в город. Сейчас вы нужнее там. Например, на Бирже. Ещё паники нам не хватало! Поэтому насколько возможно... Биржа, рынки, порт – всё должно быть под контролем. Полицейские наряды будут усилены курсантами, но и от каждого из вас многое зависит. А я сам начну расследование. Осмотрю место преступления, попробую что-нибудь выяснить, хотя бы про оружие. Не мог же преступник приехать в Лисс с винтовкой в руках, откуда-то она взялась! Буду готов доложить о первых результатах завтра в десять, если это всех устраивает... Господа, а где Бичем?

Помощник мэра нашёлся наверху. Он мрачно смотрел, как клерки выносят папки из его кабинета, где на полу темнело пятно крови.

– Уже переезжаете? – поинтересовался Моррисон.

– А как я тут смогу работать?! – взвился Бичем. – Пока займу опустевшее место бедного Олдриджа... Тем более что по закону в такой ситуации я должен замещать мэра. Ужас, ужас! Как же вы – обеспечивали безопасность, и тут такое... Будем молиться, что мэр будет жить. Кто стрелял?

– Выясним. Доложу.

И Моррисон быстро спустился на улицу.

Спустя полчаса настойчиво зазвонил телефон в кабинете Бичема. Он услышал, но не тронулся с места. Только после пятнадцатого или двадцатого звонка он чертыхнулся и двинулся в сторону своих недавних апартаментов. Но стоило пересечь коридор, как телефон замолчал. И тут же зазвонил аппарат на столе Олдриджа.

– Бичем у аппарата!

– Это доктор Биддер. Боюсь, у меня плохие новости.

Шестью днями раньше. Понедельник, 12 июня

Утро было прохладным и ветреным. Обходя лужи, оставшиеся после ночной грозы, Моррисон то и дело поглядывал на горы, окружающие Лисс с северо-востока: над ними по-прежнему висели тяжёлые тёмно-синие тучи. Такой вот июнь.

Когда инспектор вошёл в управление, дежурный привычно отдал честь и кивнул на небольшой кожаный диванчик, стоявший неподалёку:

– С раннего утра вас ждёт, сэр. Ну как ждёт...

На диванчике мирно дремала пожилая леди в очках, съехавших на самый кончик носа.

– Меня? – удивился Моррисон. К окружному комиссару обычно обращались лишь по самым важным делам.

– Говорит, что вы и только вы сможете ей помочь. Я предлагал зайти к констеблю с её участка, это Дикинсон, но она только расплакалась.

– Вот значит как... Что ж, не беспокойте пока. А когда проснётся, проводите ко мне.

У двери кабинета Моррисона стоял по стойке смирно телеграфист.

– Поступила четверть часа назад, сэр. Решил дождаться здесь, боялся, что по дороге с вами разминусь.

– Спасибо, Эванс.

Итак, телеграмма. Красная полоса – всё ясно, совершенно секретно, вручить лично в руки. Немедленно.

Моррисон сел за стол и распечатал телеграмму. Прошло минут десять, прежде чем он откинулся на спинку кресла и задумчиво посмотрел в потолок. Затем произошло следующее: инспектор взял несколько небольших бумажек, написал на них имена и начал раскладывать нечто вроде пасьянса – бумажки менялись местами, некоторые Моррисон откладывал в сторону, и в конце концов в центре стола осталась всего одна.

– М-да. Самый вероятный вариант. Самый вероятный... – Моррисон взял трубку телефона и набрал номер.

Миссис Гилмор выглядела смущённой и испуганной одновременно. Глядя поверх очков, которые так и остались на кончике носа, она умоляюще смотрела на комиссара широко расставленными глазами.

– Прошу прощения, я почти не спала... Ужасная ночь – и уже в третий раз, представляете!

– Пока нет, – мягко улыбнулся Моррисон.

– Ах, да... Постараюсь не путаться. Это я про тень за окном. Понимаете, когда по ночам гроза, раскаты грома – мне и без того страшно! – а тут ещё этот неприятный звук – и тень... За шторой появляется тень. И вот этой ночью опять. Я так закричала! А потом отдёргиваю штору – эта тень взлетела и исчезла! Без звука! Прибежала соседка снизу... Потом позвали нашего констебля, он всё осмотрел и сказал, что мне показалось. И ушёл. Сказал, что бояться нечего. А я всё равно взяла нож и до утра с ним сидела, боялась уснуть. И как рассвело, сразу к вам. Я знаю, что вы даже призрака сумеете поймать!

– Однако какого вы обо мне мнения... Уверю, что имею дело только с существами из плоти и крови. И других, честно говоря, никогда не встречал. Но вернёмся к этой вашей тени. Взлетела? Тень взлетела? Что это значит? – нахмурился Моррисон. – Это не мог быть просто прохожий? Шёл мимо, как-то необычно упал свет...

– Ну что вы! Я же живу на втором этаже! Кто может ходить мимо окна на такой высоте? И к тому же тень исчезла так странно – взмыла вверх, вертикально вверх.

– Говорите, уже в третий раз?

– Да, и каждый раз это бывает, если ночью сильная гроза. Жутко.

– А вы живёте одна?

– Я вдова. Переехала в Лисс после смерти мужа, купила небольшую квартирку. Семь лет всё было хорошо...

– Я понял, миссис Гилмор. Давайте поступим так: сейчас у меня несколько очень срочных дел, а затем я заеду к вам, чтобы посмотреть всё на месте. Договорились? Где вы живёте?

– Великий Тупик, дом три.

Когда-то улочка в несколько домов была просто тупиком, безымянным. Это устраивало всех, а на почтовых конвертах писали что-нибудь типа «Мистеру Джонсу, соб. дом возле дома Петерсена». Но в один прекрасный момент мэрия решила навести порядок с вывесками. Мэр Олдридж уже тогда заболел идеей превращения Лисса в город, где будет много приезжих, а для их удобства нужно было обозначить решительно все места, где грядущие кормильцы бюджета в принципе могут побывать. Тут-то и выяснилось, что тупик в районе площади Тюльпанов не имеет названия. Предложенные варианты – Третий тупик (ибо два уже имелись) и Кривая улица (ибо она в самом деле шла не слишком прямо, к тому же огибала большой доходный дом Петерсена) – жителям не понравились. После целого года бурных дебатов Олдридж вспылил и сказал, что они могут сами выбрать какое угодно название. Так с лёгкой руки хозяина одного из домов на карте Лисса появился Великий Тупик. И его обитатели этим названием безмерно гордились.

Моррисон прекрасно знал, где находится это место, но сначала отправился в мэрию. Олдридж что-то яростно вычёркивал на хаотически разложенных листах.

– Вот, готовлю речь к воскресенью, – сказал он, поприветствовав комиссара. – Это должно быть что-то... Что-то запоминающееся!

– Я думаю, этот день в любом случае запомнят, – заметил Моррисон. – Я хотел узнать, что и как будет происходить. Полиции нужно обеспечивать порядок – многие ведь придут вас послушать.

– А, это как вам угодно. Я скажу предвыборную речь, что-то скажут несколько уважаемых граждан... Этим вообще-то занимается мой заместитель. Бичем, пойдите сюда! – закричал Олдридж в открытую дверь. – Расскажите комиссару про моё воскресение... В смысле, про воскресное выступление.

Бичем, человек лет пятидесяти пяти, с большими залысинами и вкрадчивым голосом, отрапортовал:

– В десять тридцать перед крыльцом начинает играть оркестр. Собираются зрители.

– Избиратели! – бросил Олдридж.

– Да, конечно, сэр, избиратели. Уважаемые граждане, которые почтили нас своей поддержкой, собираются в специальной ложе внизу. Её уже начали строить. Ровно в одиннадцать они начинают произносить речи в поддержку господина мэра. А затем он сам выходит на балкон и произносит историческую речь. – Бичем закашлялся. – Так. Потом овация. Оркестр снова играет туш.

– Всё?

– В общих чертах всё.

– Ну нет! Давайте сначала речь скажу я, а уже потом – уважаемые граждане. Иначе я своей очереди рискую не дожидаться! – вклинился мэр.

– Это мы обсудим, – вкрадчиво заметил Бичем.

– Понятно. – Моррисон покачался на носках. – А с какого балкона уважаемые люди будут говорить речи?

– Э, нет: с балкона будет выступать только господин мэр. Это в моём кабинете, напротив.

Моррисон молча прошёл в кабинет Бичема, распахнул дверь и вышел на балкон. Площадь перед мэрией была не очень большой, но вполне могла вместить пару тысяч человек. Неторопливо оглядев площадь, Моррисон кивнул.

– Что ж, хорошо. А если уважаемые люди тоже будут выступать с балкона? Их же отсюда будет лучше слышно?

– Идея в том, что они как бы среди народа...

– А Олдридж – как бы над ним?

– Он как бы тоже среди народа, но его выступление – самое важное, это я и хотел ответить.

– Уверен, у вас всё получится. Да, дежурная карета скорой помощи будет? Людей наберётся целая площадь, вдруг кому-нибудь станет плохо... Не надо бы омрачать историческое выступление господина мэра. Вы бы договорились с больницей... Поставить во двор, чтобы в глаза не бросалась.

– Да, спасибо, я так и сделаю! Сию минуту! – Бичем виновато улыбнулся и поднял трубку телефона, всем видом показывая, что он страшно занят.

Покинув Бичема, Моррисон вышел в коридор и как следует закрыл за собой дверь. Справа от кабинета заместителя была лестница вниз, слева – комната, где сидели клерки. Рассеянно кивнув сразу всем, Моррисон выглянул в окно, но почти сразу вернулся к Олдриджу.

– Ах, комиссар, вы ещё не покинули нас?

– Зашёл напоследок пригласить вас к себе на ужин. – Моррисон зачем-то выглянул в коридор и продолжил вполголоса:

– Приходите в семь. Это очень, очень важно. Вы меня понимаете?

– Но у меня сегодня...

– Можно в девять. В десять. Или в полночь. Но вы должны быть у меня. Прошу как друга.

Олдридж обескуражено улыбнулся:

– Ну, в семь так в семь!

– И хорошо, если о визите ко мне будет знать поменьше людей. Официально будем считать, что сыграем партию в шахматы. Или в бильярд.

На площади почти никого не было. В самом центре стоял констебль Ральф – это был его участок. Перекинувшись с ним парой слов, Моррисон поехал к судье.

Секретарь судьи Сойфера попросил немного подождать, и Моррисон, сделав круг по кабинету, обставленному роскошной мебелью, остановился перед рамкой, в которой была заключена вырезка из газеты. Этот номер «Свежего ветра» многие горожане оставили на память, потому что именно он поставил жирную точку в бесконечной, как некогда казалось, истории. Дело в том, что по чистой случайности фамилии всех судей Лисса начинались с буквы «с». Газеты время от времени печатали удачные, а часто не очень, шутки и анекдоты на эту тему. Но однажды «Свежий ветер» вышел с колонкой, посвящённой одному из судебных разбирательств. Написал её сам редактор, самая яркая звезда лисской журналистики Уотерс. Моррисон прекрасно помнил, как начал читать эту статью – и только на третьей строчке понял: что-то не так.

Абсолютно все слова в статье начинались на букву «с».

«...Седовласый судья Сойфер, строгий, собранный, спрашивает свидетеля:

– Смит, сколько суток слышался странный свист?

– Семь суток, с самого Сочельника, сэр.

– Спасибо, Смит! Следующий свидетель – садовник Самнер!

Самнер, сутулый старик, сидит с солнечной стороны...»

После этого публиковать несмешные шутки про букву «с» стало бессмысленным занятием даже для газет из самой дешёвой бумаги.

Судья оценил опус Уотерса и ответил письмом. Теперь уже Уотерс вставил послание в рамочку и повесил возле своего стола. Написано там было следующее:

«Сногшибательная статья, сверхъестественный слог! Сердечное спасибо!
Строгий справедливый судья Сойфер».

Судья и правда старался быть справедливым. Выслушав Моррисона, он задумчиво пожевал губами:

– А если вы ошибаетесь, комиссар? В конце концов, пока это только домыслы, предположения... И к тому же в Лиссе ещё не было прецедентов. Разное было, но чтобы такое... Я понимаю, риск велик, но дать санкцию сейчас, когда нет никаких доказательств...

– Я и прошу её для того, чтобы доказательства были. Пока не поздно.

Сойфер помолчал.

– Нет, всё равно не могу. Впрочем, если вы получите прямое разрешение министра, я, разумеется, сомневаться не буду. Всё, что потребуется...

– Думаю, мне удастся получить такое разрешение.

Великий Тупик начинался с дома Петерсена и кафе, хозяин которого выставлял в тёплую погоду столики на улицу. Это было совсем не то заведение, где любят гулять сошедшие на берег матросы: немногочисленные посетители угощались тут чашкой кофе и круассанами, а в шесть вечера кафе закрывалось. Жителей Великого Тупика это вполне устраивало, поскольку не мешало наслаждаться почти полной тишиной. Доходный дом Петерсена тоже особых беспокойств не причинял, поскольку в тупик выходил только чёрный ход, а им пользовались главным образом служащие. Постояльцы, менявшиеся довольно часто, ибо дом был скорее гостиницей, выходили сразу на Корабельную улицу.

Дом номер три был зажат между жёлтой громадой дома Петерсена и особняком, под крышей которого красовался чей-то вензель. Моррисон внимательно оглядел белоснежный фасад домика миссис Гилмор и постучал. Через несколько секунд дверь отворилась – оказалось, хозяйка ждала на стуле прямо у входа.

– Миссис Гилмор, тень была перед этим окном? – комиссар указал на второе из четырёх окон верхнего этажа.

– Совершенно верно... Но как вы догадались?

– С вашего позволения, расскажу об этом позже. Я могу осмотреть дом внутри?

– Конечно! Прошу, – и вдова начала подниматься по лестнице.

– А кто живёт на первом этаже?

– Тоже одинокая леди, её имя Анна Мюррей. Мы одновременно поселились здесь.

– А как это произошло?

Миссис Гилмор остановилась на середине лестницы.

– Да просто... Мой муж, он служил клерком, девять лет назад скончался. Мы прежде жили в Аламбо, но мне было тяжело там. Слишком свежа была память... И я решила куда-нибудь уехать. Попросила знакомого маклера подыскать небольшой дом или квартиру, и он сказал, что можно очень выгодно купить в Лиссе с торгов...

– С торгов?

– Да, там была какая-то история, но я о ней ничего не знаю. Прежний хозяин был то ли инженером, то ли вкладывал деньги в строительство, и почему-то этот дом у него отсудили. Видимо, разорился... Продавали недорого, вот я и переехала сюда.

– А миссис Мюррей?

– Мисс, она не была замужем. Она тоже купила квартиру на первом этаже на этих торгах.

– То есть у дома был один хозяин, но здесь две квартиры, и между ними нет сообщения?

– Знаете, никогда не задумывалась об этом. Хотя... может быть, хозяин сдавал нижнюю квартиру? Или верхнюю. Честно говоря, ничего о нём не знаю. Ой, что же мы стоим на лестнице, проходите, проходите! Хотите чая?

Поднявшись на второй этаж, Моррисон увидел небольшую квартирку, обставленную настолько тесно и так заполненную всяческими безделушками, что он при своём высоком росте почувствовал себя слоном в посудной лавке. Лестница выходила в гостиную, далее была малюсенькая спальня, а ванная и кухонька располагались вдоль противоположной стены, окнами во двор. Моррисон посмотрел из окна кухни.

– А чей это двор?

– Общий. Палисадник прямо внизу – это Анны, а дальше – цветник хозяйки дома, что по Корабельной улице. Я тоже иногда там сижу, дышу свежим воздухом. Но вообще-то я редко выхожу из дома.

– А на рынок или к морю?

– Ох, мне лучше сидеть дома.

– Миссис Гилмор, вы ещё не в тех годах, когда можно жить затворницей.

– Спасибо, комиссар! – глаза вдовы повеселели. – Увы, дело не в возрасте. Давняя травма, на левую ногу временами вообще наступать не могу. Мне даже продукты обычно приносят на дом.

– Вы много читаете... – Моррисон просмотрел корешки книг.

– Главное утешение! И вязание тоже. Есть добрые люди, которые берут на себя труд выполнять мои маленькие поручения. За пряхей, например, ходит Анна.

– Простите, что заставляю вас вспоминать о неприятном, но расскажите ещё раз, что произошло ночью.

– Да я уже всё рассказала... – миссис Гилмор поправила очки и задумчиво посмотрела на окно. – На ночь я закрываю шторы. И вот, когда была гроза, слышу в перерывах между ударами грома: будто скрип... Нет, не скрип, даже затрудняюсь сказать... А здесь тишина такая, что всё слышно! Я уже собиралась ложиться спать, выхожу из спальни и вижу, что вот на этой шторе тень. И когда молния, её ещё лучше видно. Бр-р-р! Как вспомнишь! В прошлые два раза тень быстро исчезала сама, а тут – как будто перед окном человек стоит и стоит! Я закричала от страха, но не знаю, что со мной случилось – всё-таки бросилась и отдернула штору. И тень... улетела. Хотя я это всё вам уже рассказывала... Прямо какие-то призраки ко мне повадились! Хоть переезжай в другое место! Я действительно об этом подумываю, ещё с весны.

Моррисон открыл окно и выглянул наружу. До земли здесь было далеко, зато до крыши, выступающей не более чем на фут, при желании можно было достать рукой. Конечно, если встать на подоконник.

– Так что это было, комиссар?

– Надо выяснить. Пока ясно одно. Это точно не привидение. От них следы ботинок на побелке не остаются.

– Следы?

– Да, под этим окном на стене побелка стёрта. Так я и понял, где была тень.

– Боже мой, а я ничего не разглядела! И кто же это был?

– Какой-то хулиган, который очень хочет вас напугать.

– У него получилось, – уныло заметила миссис Гилмор.

– Ну-ну, не переживайте! Многое нужно ещё узнать и проверить. Но уже ясно, что у этого хулигана или нескольких хулиганов цель – только напугать вас, мыслей похуже у них в голове нет. Иначе они давно что-нибудь... натворили бы.

– То есть вы хотите сказать... – ахнула миссис Гилмор.

– Что убивать вас они не собираются, – прямо сказал Моррисон. – А вот зачем они вас пугают – это вопрос интересный. И ответ мы непременно найдём.

В обеденный час Великий Тупик был мертвенно тихим, разве что громыхнул стул, который поправил хозяин кафе. Моррисон постучал в дверь на первом этаже, и ему открыла полная дама в цветастом платье.

– Мисс Мюррей? Комиссар Моррисон, полиция города Лисса. Мне нужно осмотреть дом со двора, могу ли я пройти?

– Разумеется, сэр. Это вы по поводу ночной тени?

– Что, миссис Гилмор ночью громко закричала?

– О да, я сразу услышала! Видели бы вы, как она перепугалась! Еле уговорила её открыть мне дверь! Только вы ошиблись, тень с улицы была, не со двора.

– Я знаю, просто хочу со всех сторон посмотреть.

– Извольте.

Маленький двор, с четырёх сторон окружённый домами, походил на колодец. Справа нависала слепая кирпичная стена дома Петерсена. Такая же, только пониже, была слева. Открытые окна мисс Мюррей, сплошь заставленные цветами, почти сливались с палисадником. А вот наверху слева было только небольшое окошко кухни миссис Гилмор и, совсем вприпрыжку к дому Петерсена, – узкая бойница окна ванной.

– Спасибо, мисс Мюррей, здесь и правда смотреть нечего.

– Я и говорю, сэр.

– Моррисон, как же я рад вас слышать! – лицо Дженнингса расплылось в широкой улыбке. – Как ваши дела? Нет, господина министра сейчас нет, он с докладом у премьера. Но, может быть, я помогу?

Моррисон вкратце изложил суть дела.

– Да, господин министр утром мне говорил. Считайте, что разрешение у вас в кармане, через четверть часа пришлю приказ телеграфом. Мы тут ещё решили... – помощник министра переложил трубку в другую руку, – отправим к вам двух толковых ребят из отдела «А». Они очень вам помогут. Ловят того же господина, которым интересуетесь вы, на этой почве вы точно подружитесь. Их фамилии Чиз и Фаулер, но мы между собой зовём их Бультерьеры. Кстати, вполне официально, они не обижаются. Что? Почему? Увидите их – сами поймёте. И хватка у них железная. Счастливо, Моррисон! Желаю успеха!

Вторник, 13 июня

Во дворе полицейского управления, где констебли обычно выстраивались для инструктажа или награждений, шла необычная и довольно бурная хозяйственная деятельность: одни полисмены разгружали повозки с кроватями и матрасами и заносили их в длинное одноэтажное здание спортзала, другие таскали какие-то коробки и ящики между корпусами. Посередине двора стоял констебль Хэнкок и давал ценные руководящие указания. Лисс готовился к приезду курсантов столичной полицейской академии.

Моррисон взирал на это с несколько печальным лицом.

– Хэнкок, а почему кровати привезли только сейчас? Ребята приезжают уже двухчасовым.

– Виноват, сэр! Но вчера ж в спортзале тренировка была...

– Ладно. Главное – успели. Напоминаю насчёт дисциплины. Второй курс, наверняка много совсем юных. Держите их под контролем. Но без крайностей. Академики всё-таки. Может, когда-нибудь министрами станут.

– Это уж не сомневайтесь, сэр, глаз с них спускать не буду! Вы на вокзал встречать их пойдёте?

– Пойду. Но вы меня им не представляйте, хочу незаметно на них посмотреть.

– Слушаюсь, сэр!

Свое обещание Моррисон сдержал. Сидя на скамейке там, где в конце перрона пассажиры выходили на привокзальную площадь, он рассеянно провождал взглядом прибывших. Вот пожилая пара с чемоданом на колёсиках – явно сняли на лето дом в Каперне. Трое в дорогих костюмах – биржевики из Лисса, ездили в столицу по делам. Молодая леди с четырьмя детьми, слугами и огромным багажом – эти будут жить на вилле в западном районе. А вот и курсанты.

«Академики» в синих мундирах построились в две шеренги, и Хэнкок произнёс короткую речь, сопровождая её ритмичными ударами руки по воздуху. Ну что ж, главная нянька взяла ребят под свою опеку. Так, а что там за заминка?

– Какого чёрта? – проворчал под нос Хэнкок, глядя на строй. Потом опять повертел список с печатями. – Кто старший в группе?

– Курсант Дэвис, сэр! – вытянулся в струнку крайний в строю, явно отличник.

– Ага, – Хэнкок снова заглянул в список. – Курсант Дэвис, в списке двадцать фамилий. А вас двадцать один.

– Курсант Гордон приехал прямо к прибытию поезда. Внесён в список в день отъезда, сэр!

– Гордон? Кто из вас Гордон?

– Я, сэр! – доложил курсант, который выглядел самым старшим.

– Разберёмся. – Хэнкок покосился в сторону, где сидел Моррисон. – На площади в колонну по два построиться!

«Академики» подхватили чемоданы и нестройной толпой пробежали мимо Моррисона. А он, подождав, когда колонна скроется за углом, неторопливо пошёл к ожидавшему кэбу.

Хэнкок и Барнсли, оперев руки в бока, наблюдали за курсантами, которые разбирали вещи.

– И куда поставить ещё одну кровать? Тут и так теснота. Да и не по нормам будет. – Хэнкок для убедительности постучал пальцем по инструкции. – Нам что, приказ нарушать?

– А какие варианты?

– В белом доме, там есть кровати, – Хэнкок махнул в сторону корпуса, замыкавшего двор управления.

– В одиночках для особо опасных преступников? Ну-ну.

Курсант Гордон терпеливо ждал, когда решится его участь, но синие глаза на широком лице смотрели укоризненно.

– Хорошо, пока пусть поспит в караулке на диване. А там что-нибудь придумаем. – Барнсли призывно махнул рукой. – Пойдём, парень!

Через час курсантов привели в зал для общих собраний. Моррисон подождал, когда ему хором пожелают здравия.

– С приездом! А теперь вопрос: где вы меня уже видели?

Академики задумались.

– В книге про дело генерала Хогана! – наконец выпалил отличник Дэвис. Кто-то облегчённо закивал головой, но Моррисон ждал другого ответа.

– На вокзале, сэр. Вы сидели на скамье.

Моррисон удовлетворённо наставил палец на того, кто дал ответ.

– Правильно. Ваше имя?

– Курсант Джеймс Гордон, сэр.

– А, наше внезапное пополнение! Вот пример всем. Внимательно смотрите вокруг, даже если идёте на службу по давно привычной дороге. И особенно – если вы в новом месте. Например, на месте преступления. Меня приглашали в столицу, чтобы я занимался с вами там. Но я предложил другой вариант. И вот вы в Лиссе. Так намного лучше. У нас синее море, и в порту пахнет пряностями со всего мира. И у нас вы сможете многому научиться. В столице вы уже освоились, кто-то, может, там и родился. А Лисс – совершенно новая книга, которую нужно ещё суметь прочитать. И не только разобрать буквы, но и понять смысл. Нужно смотреть во все глаза, замечать то, чего не видят другие. Конечно, если хотите стать хорошими инспекторами. Вот этому и будем учиться всё лето. А пока – осваивайтесь!

Вечерело, и Моррисон, смахнув с колен невидимые пылинки, поднялся со скамейки. Пора было идти домой, хотя без Элен там было скучно и пусто. Но нельзя же бесконечно сидеть и смотреть на море! Дойдя до Палм-сквер, Моррисон свернул с набережной налево и вдруг увидел впереди три фигуры в курсантских мундирах. Ребята стояли у входа в кабачок и шушукались, роясь по карманам. А потом спустились по стёртым каменным ступенькам и исчезли внутри. Моррисон недовольно дёрнул головой, прошёл было мимо, но, подумав, вернулся и тоже толкнул тяжёлую дубовую дверь.

Внутри шумели, играла музыка, и хозяин, узнав комиссара, хотел громко его поприветствовать, но тот быстро приложил палец к губам и, притиснувшись между столиками, сел на свободный стул у стены. Курсанты, не глядя по сторонам, смеялись, но выглядели не очень уверенно. Один, нагнувшись, что-то быстро шептал товарищам, а те кивали, то и дело посматривая в сторону стойки. Хозяин, давно зная вкусы Моррисона, аккуратно поставил перед ним небольшой поднос.

– За своими следите? Не волнуйтесь, сэр, у меня их не обидят!

Впрочем, повод усомниться в этом появился очень скоро. На другой стороне зала раздался хохот и рёв голосов, кто-то начал стучать кружкой по столу, и оттуда к курсантам направился уже изрядно подгулявший морячок. За ним тут же увязались ещё двое.

– Какие господа! Парни, вы что-нибудь слышали про армрестлинг? Думаю, что нет... – в этом месте один из свиты морячка хохотнул. – Но я с удовольствием объясню правила. Ставишь руку на стол... Вот так... А ты хватаешь... Хватай, не дрефь!

– Я знаю правила, – напряжённо сказал курсант.

– Да ну?

Моррисон, вздохнув, подошёл и незаметно встал за спиной академиков:

– А, вы на руках боретесь! А если со мной?

Морячок икнул и поднял глаза.

– Гражданский? Почему и нет... Только с гражданских я беру пять фунтов. С этих, – морячок провёл пальцем перед носами курсантов, – по три монеты, у них больше не бывает. А с вами ставка выше. Хотя... костюм хороший – может, десять?

– Есть мысль получше. Кто проиграл – угощает всё заведение.

– Ого, это по-крупному! Идёт! – морячок, двинув задом, согнал одного из курсантов со стула. Тот только сейчас узнал начальство, но Моррисон подмигнул и сел на второй мигом освободившийся стул. Вокруг, услышав про условия поединка, струдились люди, а морячок хвастливо заявил:

– Я, чтоб вы знали, Том Хогарт с «Принцессы Айрис»! Вы как, сразу сладитесь?

– Рад знакомству, Том. Значит, правила такие: ставишь руку на стол. Вот так... – Моррисон поставил локоть.

Том захохотал и вцепился в руку Моррисона. По сигналу начали, и Том, сопя, принялся тянуть в свою сторону. По лицу моряка было видно, что он ждал лёгкой победы, и внезапное сопротивление соперника его озадачило. Тем не менее, скоро он должен был припечатать руку Моррисона.

– Давай-давай-давай! – кричал кто-то из моряков, а три курсанта, бледные и нервные, переглядывались, не зная, как реагировать на происходящее.

Но тут случилось неожиданное: Моррисон плавно, как стрелку секундомера, вывел руку в вертикальное положение, а потом, так же неторопливо и неудержимо, приложил Тома тыльной стороной ладони к столу. Зрители взревели, а Том, вскочив, в сердцах пнул свой стул и ошарашенно уставился на собственную руку.

– Да как так-то?! Чтобы береговой! Нет, не может быть!

– Может-может! – пузатый боцман похлопал Тома по плечу. – Давай, раскошеливайся!

Но Том смотрел на своего соперника.

– Кто вы?

– Моя фамилия Моррисон. Комиссар Моррисон.

Моряк открыл рот.

– А ведь я про вас знаю! Слушайте, слушайте: это тот самый Моррисон, который вынул из петли Стива Кингсли! Я вам рассказывал! Это же вы? Помните Стива?

– Было дело, – признался Моррисон. – А где он сам?

– В китобои записался, ушёл весной на «Буттле». А так мы с ним на «Принцессе» шесть лет бок о бок... Вот я купился – смотрю, на вас пиджак, подумал, что берегового легко уделаю... Ну, такому сопернику не грех и проиграть. – Моряк вынул из кармана стопку мятых денег. – Сегодня одной правой заработал. Эх, бог дал – бог взял! Всем выпивки!

Хозяин, кивнув, начал наполнять кружки.

– Вот ведь как судьба свела, – Том потёр руки. – Тогда, как только Стива из-под суда выпустили, он неделю не просыхал. Я за это время его историю раз сто слышал. Как его подставили, да как вы доказали, что он чистый... Даже что вы моряком хотели стать. Ну нет, всё-таки не понимаю! Как у вас получилось-то? Я всю жизнь по вантам, а вы на берегу...

– Зато каждый день пара пудовых гирь. Работа у меня такая, тоже руки крепкие нужны.

– Это точно! – засмеялся Том, поднимая кружку. – Эй, парни! Бери пример с начальства!

Курсанты, стиснутые Томом, Моррисоном и подсевшим боцманом, согласно и радостно кивали. Боцман, оторвав зубами кусок солёной рыбы, тоже кивнул:

– Вот у вас, сэ, в Лиссе полиция правильная. Порядок в городе, всё такое... И нет такого, чтоб ни за что в кутузку или там дело шить. Если б Стив где-нибудь в Дагоне так влип – точно вздёрнули бы. И смотреть бы не стали. А ведь не может такого быть, чтобы матрос... Своего кого, и то не со зла, а по этому делу обычно. В общем, комиссар, спасибо!

Моррисон крепко пожал протянутую руку, а боцман добавил:

– Я подумал: если что – вы только скажите! Не то что я или Том вот, вся команда! Вы понимаете?

– Понимаю. Спасибо. Думаю, у меня найдётся для вас дело, и совсем скоро.

– Так что? Вы знаете, где «Принцессу» найти! Ещё недели три, пока грузимся, то да сё... Мы всегда! Точно? – боцман ткнул в бок Тома, который что-то внушал соседнему курсанту.

– Точно! Это как пить дать!

Через полчаса Моррисон с «академиками» вышел на улицу. Парни виновато выстроились в шеренгу.

– Сэр, опять мы вас не заметили...

– Что, стыдно? А в кабак зачем пошли? Ладно, на первый раз прощаю! – усмехнулся комиссар и посмотрел на часы. – М-да, режим нарушаем. Пойдём, провожу. Скажу, что вы со мной были. Иначе Хэнкок наряд вне очереди влепит.

Среда, 14 июня

Констебль Хэнкок с раннего утра занимался во дворе дрессировкой подопечных.

– Стой, раз-два! Упор лёжа принять! Отжимания!

Моррисон посмотрел, как курсанты с сомнением осматривают мокрый плац, и, хмыкнув, отошёл от окна.

– Куда их сегодня, Барнсли?

Старший констебль скосил глаза на бумажку:

– До обеда – ходят с патрульными, изучают город. Потом раздаю им ваши конверты. Собственно, всё. До конца дня они выполняют задание.

– Я сам раздаю, хорошо?

– Как скажете, сэр. Что миссис Моррисон?

– Пока в столице. Дела, дела... Хочет поскорей всё уладить – и домой, в Лисс. Устаёт очень. Вчера только минуту и поговорили.

– Ох, уж возвращалась бы поскорей!

– Я мечтаю о том же, Барнсли. Соскучился... очень.

Перед дверью комиссара стоял полисмен.

– Сэр, там опять эта леди.

– Которая?

– Которая вчера дремала внизу на диванчике.

– А, миссис Гилмор... Ну, зови.

Похоже, лицезреть обитательницу Великого Тупика становилось традицией.

Миссис Гилмор снова выглядела не выпавшейся и испуганной.

– Опять тень?

– Нет, комиссар, тени не видела, но звук снова повторился.

– Как губкой по стеклу?

– Да! Мне всё-таки страшно! Может, какое-то время пожить в другом месте, хотя бы у Петерсена снять комнату? Я в мае так уже делала, после того, второго раза...

Моррисон знаком предложил вдове сесть.

– Это интересно. Очень, очень интересно... То есть появилась тень, и вы сбежали к Петерсену?

– Да, на целую неделю.

– Но потом всё началось сначала?

Миссис Гилмор кивнула.

– Значит так. Смотрите: кто-то хочет сделать вашу жизнь невыносимой. Чтобы вы бросили всё и бежали из своего дома. И не просто на время, как в мае, а продали дом.

– Почему? – большие широко расставленные глаза миссис Гилмор стали ещё больше.

– Но это же логично! Допустим, неким злоумышленникам хочется что-то взять из вашего дома...

– Что?! У меня нет ничего такого...

– Я говорю – допустим! А вы почти не выходите из дома. Поэтому они принимают вас пугать столь странным образом. Но если дело в какой-нибудь вещи, было бы достаточно вашего недолгого отсутствия. Залезли, забрали – и всё. Однако они не унимаются. Целой недели им не хватило. Значит, им нужен... сам дом. Вот на это мы их и будем ловить. Смотрите: сегодня же

начинайте говорить всем, кого знаете и кого будете встречать, что вам страшно, что вы больше так не можете...

– Мне и в самом деле страшно!

– Вот видите, даже не солжётё! И – обязательно – скажете, что собираетесь продавать квартиру. Если кто-нибудь предложит купить – немедленно известите меня. Понятно, миссис Гилмор? Немедленно!

– И что, соглашаться?

– Нет, не соглашаться. Скажете, что продавать будете на аукционе, он проходит каждый месяц в первых числах. Мы и вправду выставим её на июльском аукционе. Рассказывайте всем, что придётся покупать новое жильё, неизвестно где и почём, поэтому хотите выручить побольше.

– Отличный план! Как хорошо, господин комиссар, что у меня есть такой помощник! – восторженно захлопала в ладоши миссис Гилмор. – И что, вы полагаете, мою квартирку кто-то купит за хорошие деньги? Она такая маленькая...

– Увидим. По меньшей мере, аукцион поможет понять, насколько всё серьёзно. И кто этот таинственный злодей. Вот таков план.

– Спасибо! – миссис Гилмор не без труда поднялась и направилась к выходу. – Ох, опять еле иду... И всё-таки мне так страшно по ночам! Если бы вы знали, как неуютно одинокой женщине в доме, вокруг которого происходит какая-то чертовщина!

– Мы что-нибудь и на этот счёт придумаем, – пообещал Моррисон, открыл дверь и столкнулся взглядом с курсантом Гордоном. – Всего доброго, миссис Гилмор! Курсант, вы ко мне?

– Да, сэр.

– Заходите.

Моррисону Гордон понравился сразу. Крепкий, спокойный, наблюдательный. Умный. Явно умеет за себя постоять. Может получиться хороший полицейский.

– Итак, Гордон?

– Сэр, я хотел попросить немного изменить для меня программу практики.

– А что вас не устраивает?

– Например, что мы будем патрулировать улицы.

– Но это необходимо для знакомства с городом. К тому же у нас опытные констебли.

Поговорите с ними – уже многому научитесь.

– Понимаю, сэр. Но я мечтаю стать не констеблем, а инспектором.

– Хотя эта мечта появилась у вас не так давно...

– Почему вы так решили, сэр?

– Смотрите: вы старше всех, а только на втором курсе. Кстати, почему вас сначала не было в списке?

– Перевёлся из училища Уайт-Пойнт. Приехал буквально в тот день, когда всех отправляли в Лисс. Ну и уговорил взять меня тоже, сэр.

– А чем вы занимались до училища?

– Служил, сэр. Морская пехота, 31-й полк.

– Вот почему у вас такая крепкая фигура! – усмехнулся Моррисон. – Как понимаю, армейская карьера вам не приглянулась.

– Так точно, сэр. Там не очень хотели, чтобы я думал. А в полиции это качество необходимо.

– Приятно слышать. А чем Уайт-Пойнт вам не понравился? Прекрасное училище! Симпсон ещё преподаёт теорию криминалистики?

– Честно говоря, не встречал там такого...

– Неужели ушёл в отставку? Жаль. А новую столовую достроили? Лет пять назад обедал с вашим ректором, он только про это и говорил.

– Да, сэр, достроили, прекрасная столовая. Но мне бы хотелось не только сытно обедать, если вы понимаете. Кем я буду после Уайт-Пойнта? В лучшем случае старшим инспектором, сэр. А после академии можно стать и комиссаром.

– Если есть талант.

– Согласен, сэр. Вот его я и хочу проявить. Если он у меня имеется, конечно.

– Я понял. Так о чём же вы просите? Говорите прямо.

– Поручите мне какое-нибудь дело. Хоть простое, но реальное. Сейчас от вас выходила леди – может быть, ей требуется помощь, сэр? Что там – кража, или кто-то по ночам рвёт цветы с её клумбы? У меня есть небольшой опыт. В армии я помог раскрыть одно преступление. Смею надеяться, сэр, что это не единственное дело, которое мне можно было бы поручить.

Моррисон задумался.

– Пожилой леди действительно нужна помощь. Чёрт его знает, может, от вас там правда будет больше толку... Догоните миссис Гилмор, попросите её подождать. Но пока я ничего не обещаю. Понятно?

– Ясно, сэр! – Гордон улыбнулся, спокойно и удовлетворённо – как человек, достигший цели. И знавший, что её достигнет.

Четверг, 15 июня

Курсанты, сосредоточенные и притихшие, раскладывали на столах карточки.

– Итак, вчера вы получили задания, это реальные дела полиции города Лисса. Описания места преступления, главных действующих лиц, улики и прочее. Этого достаточно, чтобы раскрыть дело. По крайней мере нам было достаточно, – усмехнулся Моррисон. – Теперь покажите, на что способны вы. Кто первый – курсант Дэвис?

– Слушаюсь, сэр! – отличник помолчал. – У меня дело о пропавшей шляпе. Я думаю, что сам хозяин шляпы хотел, чтобы она пропала.

– Вот как? Почему же?

– Он банковский служащий, к тому же под подозрением. Знает, что за ним могут следить. Разговаривать с конкурентами и даже просто с незнакомыми людьми – значит, усиливать подозрения начальства. Тем более исключено передавать какие-нибудь бумаги или записки. Полагаю, сэр, что он спрятал какие-то бумаги под подкладкой шляпы и якобы нечаянно забыл её в ресторане. Что делает официант? Обнаруживает шляпу на стуле и переносит её на стойку – вдруг посетитель за ней вернётся? И когда официант уходит на кухню, шляпу без проблем забирает тот, кому предназначались документы.

– Допустим. А зачем служащий банка заявляет о пропаже своей шляпы в полицию?

– Чтобы отвести от себя подозрение, сэр.

– Ваша логика понятна, Дэвис. Поздравляю, вы раскрыли дело! За клерком действительно следили, в ресторане сидел частный сыщик, нанятый банком. Когда клерк вышел из ресторана, сыщик последовал за ним. Вот тогда-то человек, подосланный конкурентами, и забрал шляпу с барной стойки. Когда констебль Харрис нашёл её на свалке с оторванной подкладкой, всё стало ясно. Правда, свалка была на другом конце города. Да, а почему клерк оставил шляпу на стуле, а не на столе или на вешалке?

– Чтобы она не бросалась в глаза сыщику?

– Верно. Что ж, это пять! – Моррисон оглядел академиков. – Кто следующий?

– Курсант Оуэн. Дело об отравленном дядюшке, – бодро начал рыжий парень с горбинкой на носу, явно свидетельствующей о любви к боксу, видимо, неразделённой. – Я думаю, жертву отравила старшая племянница, сэр.

– Почему?

– Из того, что было на столе, яд мог быть только в лимоне. Потому что остальное ели все, и только лимон к чаю подавали одному дядюшке, остальные никогда не пили чай с лимоном. Внешне лимон был цел, дядюшка всегда разрезал его сам. Значит что? Яд введён шприцем! А старшая сестра в прошлом работала медсестрой. Кроме того, её комната напротив кухни. И когда она выходила за дневником, это был только предлог. На самом деле она успела зайти на кухню и отравить лимон.

– А мотив?

– Боялась, что дядюшка переделает завещание в пользу несчастливой младшей племянницы.

– Совершенно верно, всё так и было, – кивнул Моррисон, пристально глядя на курсанта. – Садитесь, два.

Все рассмеялись, но Оуэн замер на середине пути к стулу.

– Это шутка, сэр? Я раскрыл дело?

– Всё сказанное правильно. Неправильно, что вы пошли в городскую библиотеку, нашли нужный номер газеты и просто всё списали из колонки с криминальной хроникой.

По комнате пронёсся неодобрительный гул.

– Сэр, я... Простите, сэр! Но как вы узнали?!

– Да будет вам известно, что директор библиотеки сэр Дэвид Бэнкс – мой близкий друг. Дело курсанта Оуэна раскрыто. Следующий!

Под общий хохот Оуэн сел на место.

Курсанты докладывали один за другим. Шло с переменным успехом: кто-то ошибался с личностью преступника, двое вообще не смогли предложить внятных версий, но в целом Моррисон чувствовал, что ребят прислали неглупых. И наблюдательных. Потому что вопрос о том, где курсант Гордон, комиссару всё-таки задали.

– Дал ему специальное задание по его же просьбе. Посмотрим, как справится. Как говорится, записался в матросы – полезай на ванты!

Вечером выяснилось, что примерно это Гордон и сделал.

Уговорить миссис Гилмор взять постояльца удалось не сразу. Захлопав ресницами, она сначала даже лишилась дара речи.

– Как? Мужчина в моей комнате?! Но это... Что скажут соседи?

– Миссис Гилмор, наш курсант будет делать вид, что это ваш племянник из Аламбо. У вас же есть хоть какой-нибудь племянник? – напирал Моррисон.

– Честно говоря, нет...

– Но кто об этом знает! Курсант Гордон будет спать в зале на кушетке, мы её поставим прямо возле того окна, где появляется тень. И если она появится, он её мигом скрутит. Он был морским пехотинцем, и не с такими справлялся!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.